

КИНОСЦЕНАРИИ

КОНСТ. ФЕДИН

НОРВЕЖЦЫ

РАССКАЗ ДЛЯ ЭКРАНА

От автора

Примерно в августе 1941 года мне было сделано «Мосфильмом» предложение написать сценарий на сюжет по моему выбору, связанный с событиями разразившейся войны. Всеобщая мысль, исполненная страсти и негодования, была направлена в те дни на события гигантского фронта и — прежде всего — на непрестанные бои в Белоруссии и западных областях России.

Была в то же время одна точка фронта, по виду обращавшая на себя тогда мало внимания. Это был крайний северный фланг военных действий, на стыке нашей Карельской границы с Финляндией и Норвегией. Помимо своеобразно-сложной, жестокой природы сухопутного Заполярья, здесь господствовали громадные просторы северных вод. С самого начала войны они сулили разворот драматических морских сражений. Норвегия уже второй год была оккупирована гитлеровскими войсками. Финляндия действовала как верный сателлит германского фашизма. Море Баренца мы должны были отстаивать как жизненно-ценную связь с нашими западными союзниками в войне.

Почему я избрал местом действия сценария Север? По своим поездкам к Поморью и в Мурманск, я сохранял в памяти и этот край волшебных сияний, и людей того бесценного закала, который дается Севером. Я никогда не забывал и своего путешествия по Норвегии. Правда, оно не простиралось до крайних широт. Но человек поэтических норвежских гор и фьордов был близок моему воображению не только со времен хождения в страну Ибсена и Бьёрнстерне Бьёрнсона, но и с юношеской поры увлечения этими писателями. И разве не замечателен был во второй мировой войне факт непримиримого сопротивления фашистским оккупантам простого труженика этой небольшой страны?

С давних лет русский помор дружески встречался в Белом и Баренцовом морях с рыбаками Норвегии. Во второй мировой войне советский воин рука об руку с норвежским борцом антифашистского фронта Сопротивления освобождали Норвегию от гитлеровских войск. В 1944 году 20 немецкая армия была разбита советскими войсками, и северное побережье Норвегии с областью Финмарк было очищено от фашистских частей. Пять тысяч мирных норвежцев, скрывавшихся в шахтах, увидели свет, встречая советских освободителей как братьев. Павшим нашим солдатам Норвегия воздвигла в городе Киркенесе памятник.

Задача, которую я мог себе поставить в самом начале войны, работая над сценарием, была далека от намерения отразить, хотя бы в некоторой полноте, громадные события тех дней на Крайнем Севере. Замысел ограничивался желанием очертить характер того норвежского человека, который отважно, иногда в одиночку, защищал свободу своей земли от поработителя.

Работа была закончена в сентябре и принята «Мосфильмом». Одобрительный отзыв о «Норвежках» мне известен лично от Виктора Шкловского, всегда тесно сотрудничавшего с кино. Но фильм не был поставлен. Текст «рассказа для экрана» я до сих пор не печатал — он публикуется впервые.

Октябрь 1964 г.

Ранняя осень 1941 года. Норвежский берег Баренцова моря

Лица:

Генрик — рыбак

Кристина — его жена

Гакон — сын

Август — крестьянин

Сельма — его дочь

Петр Вирхов — военмор советского катера «Ловкий»

Военный комиссар «Ловкого»

Командир «Ловкого»

Англичанин-пилот

Немцы-мотоциклисты

Советские военные моряки и рыбаки траулера, немецкая пехота и мотоотряд, норвежцы-горожане.

Море. Белый водяной гребень рассыпается на гладком, протяжном, темном спаде вала. Брызги — как разменное серебро.

Почти такое же, как море — северное небо: разорванные кулисы тучек с белыми краями, похожими на серебро водяных гребней.

Брызги воды, растрепанная оторочка точек, сверкая, как будто отражаются в потоке серебра, льющемся жидким металлом в черную разинутую пасть пароходного трюма.

Это сыпают в трюм отсортированный улов еще живой трески: советский рыболовный траулер, качаясь, возвращается с промысла домой. Рыбаки в кожаных передниках, поблескивающих от воды и рыбьей чешуи, катят рыбу по палубе черпаками.

Высокий бородатый помор с засученными по локоть рукавами нагнулся, расставив ноги, ухватил под жабры увесистую рыбину, глянул в море, засмеялся и помахал хвостом рыбины в воздухе, словно кому-то грозясь.

— Эй, на катере! Лови, дружок, на уху! — крикнул он луженым голосищем, по-поморски окая.

Почти борт о борт, обгоняя траулер, окатываясь пеной, режет море катер советского военно-морского флота «Ловкий» — конвоир рыбных промыслов, коротко знакомый каждому ловецкому судну.

На носу катера несет вахту Петр Вирхов — молодой моряк, с широким лицом, озорно поднятой бровью, прищуренным взглядом. Складывая пятерни трубой, он кричит против ветра, подражая помору:

— Это что же, на червячка попалась, али на мушку?

— На комариный писк! — громыкает с корабля помор.

— За комара-то сам пищал? — смеется Вирхов.

Но вдруг точно сдуло с его лица улыбку: он нацелился глазом высоко в небо, прислушался, сказал:

— Тут комарик звенит потонее...

Он протиснул облака биноклем, обернулся к рубке, крикнул:

— Воздух!

На катере тревога: подняты орудия, команда — по местам, все лица обращены к небу. Вирхов не ошибается — у него зоркий глаз, он уже пой-

мал пятнышко, движущееся по белой оторочке облака, он силится распознать по профилю самолета — чья птичка несется к далекому побережью Норвегии, он дышит часто, неровно — не ошибиться бы и разгадать бы раньше других!

— Англичанин! — вырывается из его переполненных воздухом легких. — «Спитфайер»!

И в этот миг рывок ветра слизывает у него с бритой головы бескозырку. Она взмахивает на прощанье ленточкой, и волна засыпает ее брызгами. Почти вылетел за борт Вирхов и застыл с протянутой рукой. Нет, не достанешь! С гребня волны, как с горки, скатилась блинком по спаду воды черная бескозырочка, и ленты, извиваясь, высветили золотом буквы: «Лоекний».

Товарищи смеются над Вирховым. Кто-то протянул ему носовой платок:

— На, Вирхов, обвяжись. Простынет маковка!

Вирхов на секунду смутился. Потом, со своим хитрым смешком отзывается громко:

— Не тужи, моряк, проживем! А бескозырка моя замороженная: найдется!

* * *

Норвежский берег. Как наломанный скарб — голые многоцветные скалы. Очень узенький, глубоко забегающий в материк смирный и нежный фьорд. По одну сторону берегов его — ровная, прямая долинка. Она переливается жизнью солнца, которое то выглянет через оконца тучек, то спрячется.

Над долиною — большой неогороженный двор крестьянина. Сено высится добрыми скирдами — лужки вокруг давно выкошены.

Сам хозяин — Август — задает коровам сено, набивая кормушки. Он гладит коровью голову, его ладонь обжимает шершавый, влажный нос грониченки.

Рука остановилась, корова лизнула ее: хозяин обернулся к двери, нахмурился.

На камне, лицом к отдаленным скалам, замыкающим долинку с той стороны, где фьорд переходит в море, сидит дочь Августа — Сельма. Она обняла колени, взгляд ее неподвижен, она поет тихо, отрывисто, будто ведет разговор:

Ни ветер, ни буря,
Никто, никогда...

Отец выглядывает из хлева, видит дочь, идет вразвалку двором, останавливается.

Никто нас с тобой
Не догонит...

Тяжело приподнимая огромные ноги, Август обходит камни, приближается к дочери. Она не слышит его. Она плачет и глядит, глядит не мигая, на далекие скалы. Коса закрыла ее лицо.

Отец берет Сельму за локоть. Она вскакивает, откидывает косу. Глаза ее опущены, она не двигается.

— Тебя тянет к нему? — говорит отец.

Он сжимает ей локоть.

— Ступай к нему и скажи...

Он жмет ей локоть изо всей силы. Она не двигается.

— И скажи ему: ты упряма, как вода, а я упрям, как гора. Гора запрет воду.

Он выпускает локоть. Она не двигается.

— Ступай,— говорит отец.

Она с усилием делает шаг, потом другой, ее как будто качает от боли, она прижимает локоть к груди, идет быстрее, быстрее, потом шаги ее переходят в бег, и она несется по долинке, вдоль фьорда.

Август достал из кармана трубку, резко вмял тупым пальцем табак. Взгляд его не отрывается от бегущей дочери.

* * *

Обветренным, старым гнездом прилепился к скале рыбацкий домик. На скале поодаль — работа: Генрик выкашивает из расщелин крошечной косой, похожей на горбыль, цепкие побеги травы.

Его сын — Гакон — собирает траву в охапку.

Отец разогнулся, передохнул, поглядел в море.

— Когда бы не война,— сказал он в суровом раздумье,— мы бы уже засолили немало сельди. Нынче большой ход.

Он опять, расставив ноги, принялся косить.

Гакон молча поднял охапку травы, пошел с ней вниз.

Коза, натянув привязь, выхватывает из охапки и торопится разжевать клочок травы, потом с недоумением глядит вниз, вслед удаляющемуся Гакону, и блеет обиженно.

В долинке Гакон помогает матери — Кристине — сушить траву. В низенькие козла положены жерди, на них прядями развешивается трава.

— Нынче много сена,— говорит Кристина.

Гакон оторвался от работы.

— Война не знает слова «много»,— говорит он,— ей всего мало...

— Если бы не война, мы с отцом думали купить корову,— говорит мать.

— Если бы не война, мы были бы с отцом в море,— как отец, сурово говорит Гакон.

— Мы разбогатели бы. И Август отдал бы за тебя Сельму.

Гакон отворачивается от матери: она еще никогда не говорила с ним так. Он отвечает, помедлив:

— Август сам ничего не дает.

Он смотрит в ту сторону, где раскинулся двор Августа, и вдруг видит Сельму, бегущую долилкой прямо к нему. Мгновение он стоит растерянный. Трава сыплется у него из рук. Потом, не глядя на мать, он срывается с места и, перепрыгивая через жерди, бежит навстречу Сельме.

Они сидят на берегу фьорда, у самой воды, неподвижные, взявшись за руки, глядя на свое отражение в маленькой стоячей заводи.

Мимо них, едва не задевая крылами водяную гладь, проносится выводок уток, и они глядят птицам вслед.

— За какой локоть он тебя взял? — тихо спрашивает Гакон.

— Вот за этот.

Гакон поглаживает кончиками пальцев локоть Сельмы.

— Что же он сказал?

— Он сказал, что я упряма, как вода, а он упрям, как гора.

Они сидят молча.

— А потом?

— Он сказал, что гора запрет воду.

Гакон чуть-чуть улыбнулся:

— Твой отец забыл, что нынче — война. Скажи ему, что Гакон упрям, как война. Войне не страшны горы.

Он приподнялся, вскинул голову.

— Слышишь?

СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ

Цветная линогравюра В. С. Вибикова из серии «Северный военный флот в Великой
Отечественной войне», 1941

Литературный музей, Москва

Гул мотора то вспыхивает, то угасает. Самолет, как будто выпав из окна облаков, быстро опускается на долинку...

* * *

Высоко в горах, на повороте извитого шоссе, стоят два немецких солдата с мотоциклами. Они пристально следят за самолетом.

— Садится, — говорит один.

— Англичанин, — говорит другой.

— Далеко, — говорит первый. — Большой объезд.

— Ты езжай к посадке, — отвечает другой, — а я в город. Жди меня.

Они вскакивают на мотоциклы и разъезжаются на полной скорости...

* * *

Самолет приземлился в долинке. Пилот высунулся из кабины, быстро оглядел всю округу.

К самолету бегут Гакон и Генрик.

С другой стороны тяжеломерно шагает Август, неторопливо дымя трубкой.

* * *

Неисправность в подаче горючего устранена. Генрик помогал пилоту. Он соскакивает с самолета на землю, наскоро вытирает травой руки. Следом за ним выпрыгивают англичане — пилот и наблюдатель. Пилот кладет руку на спину Генрику:

— Спасибо. Вы показали свое уменье. Теперь покажите силу.

Он подводит Генрика к шасси: одно колесо погнуто при посадке.

Генрик оборачивается к Августу. Тот стоит — руки за спину — пощмокивает губами, дымит.

— Вот Август сильнее меня, — говорит Генрик.

— Откуда ты знаешь? — не вынимая трубку изо рта, отвечает Август. — Мы с тобой не мерялись силой.

— А что ты смотришь на меня так, будто хочешь померяться?

— С тобой — нет. Но любопытно, силен ли твой Гакон: он хочет идти против моей воли.

Он смотрит, сощурившись, на Гакона. В его взгляде — не только вызов, но и чуть заметное любованье: Гакон стоит молодцом — прямой, с поднятой головой, ответный взгляд его дерзок и смел.

— Живее, — торопит пилот, — поединок потом, после моего старта!

Гакон подходит к шасси, спрашивает англичанина глазами — что делать? Вместе с отцом он приподнимает шасси — видно, как крыло самолета качнулось и поднялось. Пилот нагибается к колесу.

Август невозмутимо наблюдает за работой Гакона, попыхивая трубкой...

* * *

В рыбацьем домике, нагнувшись к топке очага, Сельма раздувает огонь, подкладывая мелко наломанный хворост, поминутно спрашивая:

— Готов?.. Закипела?

Кристина приоткрывает крышку чайника: нет, как на грех, вода не закипает! Сельма дует на огонь что есть мочи.

— Ах, они улетят, мы не успеем!

Нет, вода не кипит!

— Ну подуй ты! — восклицает Сельма.

Они меняются местами. Сельма открыла конфорку, обожгла палец. Опять поменялись с Кристиной местами. Дует то на палец, то на огонь. Кричит:

— Закипела! Я слышу!

И правда, вода закипела.

— Сахар, где сахар?

Отыскался на дне склянки сахар.

— Ром, где ром?

Нашелся и ром — почти полбутылки.

— Бежим!

Кристина едва поспекает за Сельмой. Она мчится напрямик, держа перед собою в вытянутой руке чайник с кипятком. Самолет уже близко. И вот — какая-то кочка на пути! — и Сельма со всего разбега вытягивается на земле, разливая кипяток.

Она так поражена, что не может подняться, и полными слез глазами застыло глядит, как по травинкам выползает парок над лужей кипятка.

Англичане, смеясь, поднимают ее с галантной поспешностью кавалеров. Она стоит между ними, в руках — пустой чайник — и лепечет:

— Грог... Мы хотели предложить вам грогу...

Август, неуклюже отвернувшись, прикрыл ладонью лицо и вдруг отчески-снисходительно засмеялся.

— О мы обойдемся чистым ромом, — говорит пилот, протягивая руку к бутылке, с которой подоспела Кристина.

Приподняв стакан с ромом и оглядывая женщин и мужчин, пилот сказал:

— За нашу победу!..

И выпив, быстро договорил:

— Окажите мне еще услугу... Нет, не мне, а всем нам...

Он обвел рукой весь круг обступивших его норвежцев.

— Вон там, на север от городка, в бухте грузится немецкий транспорт. Надо проследить, куда он направится. Если на запад — выложите здесь, в долине, из этих жердей с сеном крест. Если на север — букву N.

Он вынул из своей сумки карту и на тыльной стороне ее начертил, повторяя:

— Если на запад...

Все смотрят за тем, как чертит карандаш +.

— Если на север...

Карандаш выводит N — и головы согласно кивают его четкому движению.

— Спасибо! До свиданья!

Это — громко и ко всем сразу. А затем повкрадчивее — только Сельме:

— За вами, фрекен, грог!..

И — на самолет.

* * *

Норвежцы все еще стоят вкружок с поднятыми к небу головами, приоткрыв рты, провожая глазами рычащий самолет, когда из-за скал показывается немец-мотоциклист. Он мчится по долине прямо к норвежцам.

Сельма различает шум мотоцикла первая. Выронила чайник, но тотчас подняла его, взяла из рук Кристины бутылку из-под рома, сунула ее в карман Гакону, стала рядом с ним, поправила платье.

Все по очереди обернулись к немцу.

Он спрыгнул на землю, не спеша вынул из деревянной кобуры маузер, приблизился к норвежцам, прошел по всему ряду, заглядывая в лица, не произнося ни слова.

Остановился, еще раз обвел всех пытливым взглядом. Крикнул коротко:

— Помогать англичанам?

Норвежцы молчат. Снова испытывает он всех взглядом.

— Что за поручение дал вам англичанин?

Норвежцы молчат. Немец делает медленный шаг к Генрику. Рыбак стоит не шевелясь, губы его стали узенькой белой полосочкой, щеки ввалились.

— Ты помогал летчику, отвечай!

Генрик подергивает плечами.

— Не понимаешь? Покажи руки!

Немец хватается руку Генрика. Поблескивающим стволom маузера с усилием разжимаются пальцы: все они и вся ладонь Генрика густо выпачканы машинным маслом.

Немец делает шаг назад, вскидывает маузер и нацеливается в грудь Генрика.

В один скачок Гакон оказывается рядом с немцем и бьет его по руке в тот миг, когда раздается выстрел.

Генрик зажал руками живот, упал на колени. Женщины бросили на землю чайник, стаканы, кинулись к раненому.

— А-а! — кричит немец, — шпионская банда!

Он хочет выстрелить в Гакона.

Но тогда, словно обух, крушит его по пальцам громадный кулак Августа.

Немец со стоном выронил маузер, бросился к машине, пробежал с ней несколько шагов, вскочил в седло, помчался.

Гакон поднял маузер, выстрелил вдогонку немцу — раз, два — мимо!

Август поглядел на него свысока, сказал:

— Надо было раньше учиться стрелять, малыш. Тогда, может быть, наша кровь не лилась бы напрасно.

Он посмотрел на Генрика.

Кристина поддерживает голову раненого. Сельма, сорвав с себя передник, разрывает его на ленты.

Август хочет что-то сказать дочери — суровое и окончательное, отворачивается, хочет уйти, потом останавливается, собирается раскурить трубку, но вдруг прячет ее и подходит к Генрику.

— Тебе плохо, сосед?

Генрик закрыл глаза.

Август резким рывком вытаскивает у Гакона из кармана бутылку, поднимает с земли чайник. Старательно он сливает в чайник остатки рома, потом нагибается над Генриком.

Капля за каплей стекает в рот раненого прозрачный напиток.

Генрик приходит в себя.

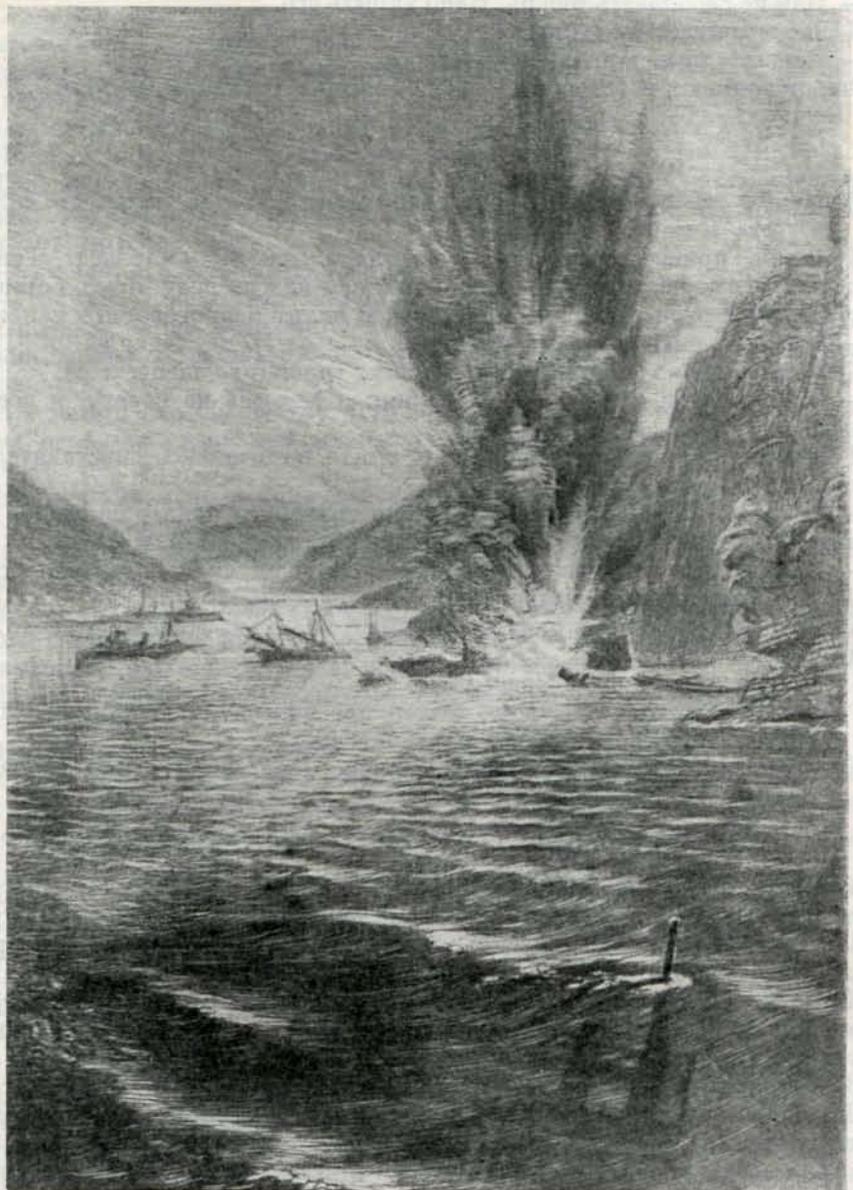
Август говорит:

— Скажи сыну, — если ты умрешь, пусть он слушает меня, как отца.

Генрик чуть-чуть кивает в ответ.

Гакон дотрагивается до плеча Сельмы. Они стоят сосредоточенные, замкнутые.

Тогда Август, выпрямившись, озирает по-капитански окрестность и словно отдает команду:

У БЕРЕГОВ ВРАГА

Цветная линогравюра В. С. Бибикова из серии «Северный военный флот в Великой Отечественной войне», 1942

Литературный музей, Москва

— Нам не сдобровать теперь. Надо укрыть его.

И он показывает на фьорд.

— Верный друг рыбака — море.

Они поднимают и осторожно несут Генрика долиной, к берегу...

* * *

Рыбачий карбас раскачивает высокой мачтой: ветер начинает сильно дуть с берега в море.

Кристина принесла постель, разостлала на дне карбаса. Генрик перевязан, его укладывают, он дышит часто, и как в бреду что-то бормочут его губы. Но вот он снова открыл глаза и силится проговорить ясно:

— Кто даст сигнал англичанину?

Кристина, низко склонившись к нему, торопливо шепчет:

— Будь покоен, будь покоен, Генрик: я остаюсь на берегу, я все исполню...

И Август, все больше приобретая что-то капитанское, наставительно приказывает Гакону:

— Держись на шхерах, на виду. Если транспорт пойдет на север, подними парус. Если паруса я не увижу, значит немцы ушли на юг.

— Я буду смотреть за вами оттуда, с нашей скалы, сынок, — говорит Кристина и вдруг порывисто обнимает Гакона.

Август смотрит на Генрика — выживет ли? — и, словно отвечая, говорит Сельме:

— Теперь ты ему дочь. Береги его.

Он слегка коснулся ее локтя, застенчиво пошевелил пальцами, отвернулся, грозно перемахнул через борт на берег.

Кристина и Август навалились на карбас, отталкивают его от берега...

* * *

Крошечный городок в горах. Все вымерло. По пустынной улице движется маршем немецкая пехота, покидая городок.

За углом — рыночная площадь. Торговля крабами и рыбой из корзин и с лотков. Реденькие кучки торговков и горожан-покупателей.

Когда немцы появляются из-за угла и открывают свое машинное шествие мимо рынка, — и покупатели, и торговцы, все, как один, поворачиваются к ним спинами.

В безмолвии раздается маршевый грохот сапог...

Пехоту догоняет на окраине команда немцев на мотоциклах, направляющаяся в горы...

* * *

В маленькой бухте пехота грузится на транспортный пароход. Лошади, кухни, пулеметы, фураж, автомобили, санитарные кареты — все это переваливается по сходням, взлетает в воздух на лебедках, переполняет палубы. Люди ползут и проникают повсюду, как дождевые ручьи.

Транспорт отходит, оставляя позади себя безлюдный берег. Чем ближе к выходу из бухты в море, тем крупнее волна, — ветер подымает ее высоко...

* * *

В шхерах поплавающим ныряет рыбачий карбас. Он держится на якоре, позади скалы, о которую разбивается волна.

Смерчи брызг обдают лицо Гакона. Он вытирается рукавом, воспаленными глазами обыскивает далекие смутные горбы валов.

Сельма закрыла кожухом голову Генрика — он хорошо защищен от воды. Но она с тревогой следит за его лицом; оно неподвижно, бескровно, наверно это — смерть, похожая на сон, или, может быть, последний сон перед смертью.

— Сельма, скорее! — кричит Гакон. — Смотри!

Прижавшись друг к другу, они глядят в море.

Транспорт? Нет сомнений! Пароход крадется вдоль шхер, видны его палубы, загруженные повозками, машинами, орудиями, всё на пароходе черно от людей.

— Немец, — вскрикивает Сельма.

— Парус! — командует Гакон.

Тяжелый парус медленно раскатывается и ползет по мачте. Гакон и Сельма, почти слившись в одно тело, всем своим весом тянут неподатливую снасть.

И еще наполовину не успел развернуться парус, как ветер лег в него, надул огромный, дышащий пузырь, и якорный трос натянулся, скрипнул по борту.

На мгновение приостановилась работа, Гакон обернулся на трос, потом быстро посмотрел на Сельму — понимает ли она, что может случиться? — и работа пошла дальше: парус должен быть поднят — что бы ни случилось!

И вот он раскатан весь, до верхушки мачты, береговой ветер рушит в него свои тяжкие порывы, и секунду спустя якорный трос звенит, как лопнувшая пружина, и обрывок его свертывается на борту спиралью.

Гакон успевает схватить багор и крикнуть:

— Держись!

Карбас несется на скалу.

Гакон упирается багром в уступ камня, смягчает удар. Ловким размахом багор вклинивается в расщелину, и Гакон вместе с Сельмой удерживают карбас, наперекор ветру, прижав борт тесно к неприступной гранитной глыбе.

Слабнут руки. Суденышко подбрасывается волной, бьется о камень.

Со страхом глядит Гакон на Сельму. Миг нежности к ней и миг малодушия.

— Может быть сигнал уже принят, Сельма?

Она не отвечает.

— Если мы спустим парус, можно продержаться около утеса, — говорит Гакон.

Сельма молча оглядывается на раненого.

Тогда новый приток сил согревает коченеющие руки Гакона, он вплотную подтягивается к скале.

Но в тот же момент огромный вал подкинул карбас высоко, ударил об утес и бросил вниз.

И вот вырвался багор из рук, и ветер легко, небрежно повлачил суденышко из полосы шхер в открытое море.

Не взглянув друг на друга, — Сельма поползла к раненому, Гакон бросился к рулю и всем телом навалился на него.

* * *

Кристина лежит на скале, лицом — к морю. Гул его доносится и сюда. Где-то у отдаленного утеса, почти сливаясь с ним, подпрыгивает на волнах маленькое темное пятнышко.

Там — муж Кристины, там ее сын, там девушка, которая сегодня стала ее дочерью. Хорошо, если бы немец пошел на юг, — не надо было бы поднимать парус. Если он будет поднят, то к несчастью, которое уже случилось, прибавится другое.

Кристина вдрагивает, приподнимается, хочет встать, но не может оторвать взора от белой заплатки, вдруг вспыхнувшей около морской скалы. Заплатка держится минуту, точно приклеенная к скале, поднимается, падает и медленно отлетает в море.

Кристина выпрямилась, закрыла ладонями лицо — не почудилось ли ей? Снова всмотрелась в море: все меньше становится белый квадратик заплатки, то исчезающий в волне, то показывающийся над нею.

Какое усилие нужно, чтобы отвернуться от этого белого пятнышка в море, сползти по уступам изломанных камней вниз, побежать по долине?

Подле жердей с сеном поднимается с земли Август.

— Парус? — первое его слово.

— Да.

Ему подозрительно ее волнение, она что-то не досказала, что-то не хочет сказать.

— Ты не ошиблась? Пойдем взглянем вместе.

— Нет, нег! Не ошиблась. Парус...

— Тогда исполним свой долг.

Они сбрасывают уже проветренную траву с жердей и переносят жерди и козлы на широкое пространство светлого каменистого дна долины. Август расставляет козлы и укладывает в них жерди, Кристина развешивает сено.

— А что, — говорит Август, перестав работать, — их не могло унести в море?

Он не видит лица Кристины, она слишком низко наклоняется, сгребая с земли сено.

— Если их унесло в море, — опять говорит Август, — значит моя дочь впрямь стала невестой рыбака.

Нет, Кристина не хочет ему отвечать, она не хочет показывать ему свое лицо, ей некогда вытереть слезы, она работает, работает все быстрее...

В горах, на повороте дороги, цепочкой вытянулись немецкие мотоциклисты. Они слезли с седел, стоят, ожидают команды.

Двое головных глядят по очереди в бинокль.

— Ясно, — говорит первый и протягивает бинокль другому.

В круглом стекле вырисовывается отчетливо дно долины, две человеческих фигурки, сгорбившиеся над землею и длинные линии какого-то еще не сомкнутого знака.

— Совершенно ясно — сигнал, — говорит второй мотоциклист и возвращает бинокль.

Сквозь стекла видно, как фигурки передвигают линии и они постепенно смыкаются в четкую большую букву — N.

— Отделение! — выкрикивает первый мотоциклист и опускает поднятый над голову флажок.

Мотоциклисты заводят моторы, цепь оживает, грохот понесся раскатами эха по горам, — ниже, ниже, по наклонным дорогам, к долине.

И отряд выносится к фьорду, рассыпаясь по долине, охватывая ее стальным объятием со всех сторон.

Кристина и Август — в кольце немецких мотоциклистов, которое размеренно сжимается и, наконец, плотно охватывает их.

Сзади и спереди по два мотоциклиста с маузерами приступают к норвежцам. Первый становится лицом к лицу с Августом, второй — с Кристиной.

— Ну, — спрашивает первый, — просохло ли у вас сено?

— Мы сейчас увидим, — говорит другой и выкрикивает солдатам: — зажечь сено!

Солдаты бегут к жердям, разжигают сено. Оно занимается лениво, ды-

мя и потрескивая, потом огонь струится вдоль жердей быстрее и ярче, пока не разгорается дружным росчерком вся огромная буква N.

— Кому вы даете сигналы? — допрашивает мотоциклист.

Август и Кристина молчат.

— Они понимают только по-английски, — усмехается второй мотоциклист.

И эта усмешка словно расшнуровывает ему горло — медноголосые вопли разносятся по долине:

— Связать!.. Обыскать дом!.. Зажечь двор!

Тогда необычайно слаженная, вымуштрованная подвижность проявляется в солдатах.

Одни мчатся к дому, на скалу, другие, быстро связав Августа и Крестину по рукам, срываются вдогонку за передними, словно боясь опоздать на званный пир.

* * *

Тесные горницы рыбацкого домика не вмещают солдат. В толчее и спешке кто-то сует нос в котлы, ведра, кто-то вспарывает сундук, лезет на полаты, взбирается на сушила. Сколько разочарования: горшки и банки пусты, в селедочных кадушках — ничего, кроме старого рассола, во фляге из-под рома — ни каши, и с досады ею швыряют о печку, и она разлетается звездой осколков.

На дворе солдат тащит за рога козу, она уперлась и своим бляением раздирает шум погрома. Солдат схватил ее за передние ноги, перевернул вниз головой, взвалил за спину, как охотничий трофей.

Из сарая волочат хворост, обкладывают им дом, и вот сизые космы дыма заметались по двери и окнам, сгустились дочерна и, внезапно распавшись, выпустили на ветер шар пламени, чистого, как металл.

* * *

По лицам Августа и Кристины колыхнутся отсветы пожара. Позади догорают жерди, тлеет нежный жар испепеленных ключьев сена.

— Куда вы спрятали других шпионов, отвечай! — кричит немец.

Август поворачивает голову к Кристине. Ее черты строги, она как будто не видит происходящего, глядя в потемневшую даль моря.

— Посмотрим, развяжешь ли ты язык, когда мы зажжем твой двор!

Август понял угрозу и, наконец, не спеша раскрыл рот:

— Если бы у меня было пять дворов, я не пожалел бы их, лишь бы остался цел вот этот знак.

Он мотнул головой назад, на догорающие жерди.

Немец страшным ударом кулака толкает в грудь.

Август падает и валит за собою Кристину.

Она вскрикивает от острой боли: тонкий жгут, который связывает ее — локоть к локтю — с Августом, глубоко врезался в кожу.

* * *

Катер «Ловкий» лежит в дрейфе. Его корпус то опустится между волн, точно в пловучую ванну, то медленно взберется на гребень.

Петр Вирхов щурится от брызг, залетающих ему в лицо, но, верный своей славе дозорника, сквозь ключья пены он упрямо осматривает море. На спаде волны можно и попеть — за ревом погоды только он один слышит свой голос, а на гребне песня обрывается сама собой: надо смотреть.

Надо смотреть позорче, потому что вон, кажется, мелькнуло светлое пятно, странно непохожее на белую пену гребня. Еще одно падение вниз, затем взлет и с вершины вала Вирхов видит ясно:

- Справа по носу — парус! — кричит он.
- Парус, — звонко передают голоса.
- Петя Вирхов не промахнется, — есть парус, справа по носу!

* * *

На карбасе неподвижный Генрик. Жив ли он?

Некогда подойти к нему, поднять его постель, — вода разгуливает по суденышку, надо не переставая откачивать ее.

Сельма, раздавленная усталостью, почти падает на рукоять насоса. Все, что ей удается откачать за борт, с лихвою возвращается при каждом ударе волны.

— Гакон!

Ее голос заглушается морем.

— Гакон!

Он слышит Сельму, но не может оставить руля, — всем весом своим, всю силу молодости он противится порывам бури.

Сельма бросила насос, переползла на корму.

— Гакон, ты считаешь — они видали парус?

— Я убежден, Сельма.

— Но ведь... сейчас мы уже не видны с берега?

— Давно не видны.

— Может быть пора убрать парус?

Он как будто ждал от нее этих освобождающих слов.

— Конечно, Сельма, пора!

Они перебираются к мачте. Развязывают концы. Парус бьется, слабнет, падает подбитым крылом.

Сразу становится тише — бессильный карбас отдается метанию моря.

Гакон и Сельма подвинулись к Генрику, наклонились над его лицом. Она отыскивает под промокшим кожухом руку раненого.

— Ты думаешь, он жив? — спрашивает Гакон.

— Дай руку. Слышишь — пульс? Правда?

— Мне кажется... кажется, правда...

Они не решаются взглянуть друг на друга. Усевшись на скамью, они озираются, как будто заново увидев море.

— Скажи, Гакон, это долго продлится?

— Волнение?

— Да, буря.

— Ну, нет, не очень, — говорит он слегка небрежно. — Когда как. Дня два.

Сельма кладет голову ему на колени. Он смело, с решимостью отчаяния целует ее. Прижавшись к нему, она не двигается мгновение, потом быстро говорит в неудержимой тревоге.

— Ты думаешь — мы погибнем? Да?

— Сельма! Это даже меньше чем два дня, этот ветерок. Он переменит направление, и мы пойдем к берегу, увидишь.

Она отрывается от него.

— Что это? Что?

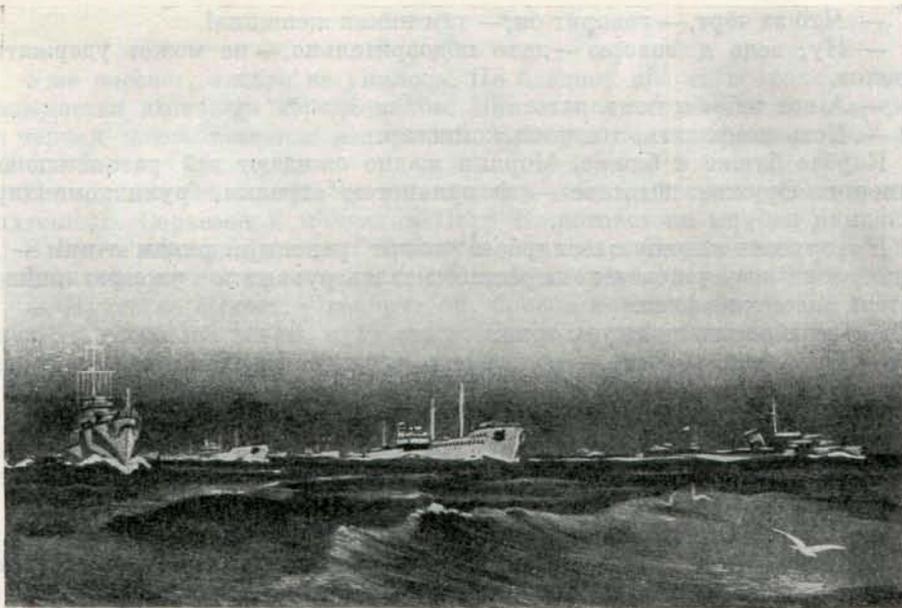
Она показывает на волну.

Скатываясь с гребня, вдоль борта плывет какое-то круглое черное пятно.

Гакон успевает подцепить его на весло. Из воды тянутся ленты матросской бескозырки.

— Моряк, — восклицает Сельма.

Они вертят в руках фуражку, разглядывая незнакомые, странные буквы на ее лентах. Наконец, Гакон догадывается:

КОНВОЙ В БАРЕНЦОВОМ МОРЕ

Цветная линогравюра В. С. Бибикова из серии «Северный военный флот в Великой Отечественной войне», 1943

Литературный музей, Москва

— Русские буквы. Русский моряк.

— Бедняга! — говорит Сельма, молитвенно складывая руки. — Вечный покой... Может быть, и мы... Гакон...

Она не договаривает.

Отжав воду, она старательно засовывает бескозырку в намокшую постель Генрика.

В этот момент Гакон видит на далекой волне корпус идущего на них судна.

— Катер!

Он притягивает к себе, обнимает Сельму.

— Видишь? Военный катер!

— Они спасут нас!

— Если это наши друзья.

— Гакон! Парус! Подними парус, чтобы они видели нас!

— А если это — немец?

Секунду молчит Сельма, потом нагибается над изголовьем Генрика, смотрит в его неподвижное лицо...

* * *

На борту «Ловкого» — комиссар в кругу моряков.

— Тут дело подозрительно, товарищ комиссар, — рассуждает Вирхов

— А вот будет видно.

— Есть будет видно, товарищ комиссар. То шли с паруском, то вдруг парусок смотали. Как понять?

— А мы их поспрошаем.

— Есть поспрошаем, товарищ комиссар.

Комиссар перестал глядеть в бинокль, протер стекла и опять уставился вдаль.

— Что за чёрт,— говорит он,— там никак женщина!

— Ну, ведь я говорю — дело подозрительно,— не может удержаться Вирхов.

— А вот тебе бы помолчать.

— Есть помолчать, товарищ комиссар.

Карбас ближе и ближе. Моряки жадно ожидают всё разъясняющего момента. Оружие наготове — за пулеметом стрелки, руки командиров огладили кобуры пистолетов.

Но оружие излишне: в карбасе лежит раненый, рядом с ним — девушка и на носу человек не перестает махать руками: он уже различил на катере советский флаг.

Катер сбрасывает штурм-трап.

— Приехали, здрасте,— облегченно вздыхает Вирхов.

* * *

Санитары перекладывают Генрика вместе с постелью на носилки.

— Что за человек? — спрашивает комиссар.

Гакон не понимает его. Комиссар переводит вопрос на английский. Гакон в английском не сильнее, чем в русском, но он догадывается:

— Отец,— говорит он, показывая на себя и, подумав немного, на Сельму.

Комиссар вынужден перейти на объяснение знаками: он допытывается — кто же ранил Генрика.

— Германец! — отвечает Гакон.

— Ага! — вырывается у Вирхова. — Я говорил!

Он все время нетерпеливо участвует в событии. В каюте, куда приводят Гакона и Сельму, он — среди немногих.

Когда Гакон чувствует свое бессилие объяснить происшествие, Вирхов вынимает из кармана блокнотик с карандашом и подсовывает их норвежцам.

— Нарисуйте, нарисуйте! — объясняет он.

Гакон передает книжечку Сельме: она должна вспомнить, чему учили в школе. И она вспоминает. Детские черточки наивно ищут какое-то выражение, и вот — так просто рисуется кораблик, а вот так — пушка.

— Военный транспорт? Чей? — дознается комиссар.

— Конечно, германский,— торопится Вирхов.— Верно? Германец?

Он извлекает за шнурочек из кармана компас:

— Куда пошел германец? Курс!

Он стучит ногтем по компасу.

Гакон показывает на «Север» и подрисовывает к кораблику букву N.

— Понятно,— говорит Вирхов,— курс норд!

— Не торопись, Вирхов.

— Есть не торопиться!

Но в эту минуту вносят на тарелке два стаканчика водки, и Вирхов не может совладать с собою:

— Разрешите спросить, товарищ комиссар.

— Ну?

— Товарищ комиссар,— что они у себя дома национально выпивают?

— Национально выпивают они грог...

— За советский флот,— говорит Гакон.

— Это мы легко понимаем,— за нас,— одобряет Вирхов.— Согревайтесь. Мы — потом.

От русского «грога» у Сельмы перехватывает дыхание, и это всем доставляет удовольствие...

* * *

Уже рассвет, а море не унялось. По бледной полосе восхода холмами вздымается дышащая череда валов. Ближе к катеру вода не освещена, ее черная масса кажется недвижимой, слышны только размеренные удары по борту.

Катер идет без огней. Чуть заметны в темноте сосредоточенные лица вахтенных. Серьезен и молчалив Петр Вирхов.

В каюте командира сидят хозяин и комиссар. Перед ними карта, командир вымеряет и прочерчивает по линейке расчеты расстояний.

— Чудес не бывает, — говорит он, бросив карандаш. — Время его выхода из бухты мы знаем, курс его известен. Определились мы точно. Поищем — найдем.

Раздается сигнал боевой тревоги. Входит старший по вахте.

— Товарищ командир, пароход по левому борту.

— Это может быть он, — говорит командир. — Он будет держаться по берегу, из осторожности.

Все трое быстро выходят из каюты.

Экипаж занял боевые места, торпедные аппараты готовы к действию.

На рассветной полосе неба виден покачивающийся силуэт парохода.

В бинокле ясно очерчиваются палубы, загруженные военным снаряжением.

Вирхов различает это и без стекол. Стоя у торпедного аппарата, он потирает руки от холода, волнения или приливающей злобы — он сам не мог бы сказать. Голос его дрожит:

— Транспорт, ясное дело, — говорит он товарищу. — Чего же не дают команду, а?

Но командиру еще не окончательно ясно. Он приказывает позвать Гакона.

Гакон не колеблется ни мгновения: с одного взгляда он узнает пароход.

— Да, да, германец!

На миг неподвижность как будто сковывает весь катер, и вот команда с центрального поста:

— Аппараты, пли!

Торпеды, выскользнув из труб, несутся, взбивая на гребнях волн фонтан за фонтаном.

Петр Вирхов, выстрелив, подается вперед, взгляд его неразрывен с летящей торпедой, которая движется словно чересчур долго, чем дальше — тем медленнее, и последние секунды ожидания по напряжению своему кажутся Вирхову нестерпимыми.

Но вот над пароходом поднимается столб воды, потом — другой. И Вирхов снова потирает руки — покрепче, чтобы сдержать себя и проговорить с полным равновесием:

— В порядке. С добрым утром...

* * *

Сельма бежит по палубе навстречу Гакону.

— Отец пришел в себя!

— Мы порадуем его, Сельма! Гляди. Начало расплаты за его горе, за горе матери, за горе Норвегии!

На светлом уже небе завивается мрачными витками дым пылающего парохода. Гакон и Сельма стоят мгновение не шевелясь, затем почти бегут с палубы вниз.

Перед дверью в каюту, где лежит Генрик, они притихают.

Генрик узнает их сразу, но он не может говорить. Он еще не понял — е находится, и, может быть, ему еще не очень хочется об этом думать — так он слаб.

В каюте появляется командир, и за ним входят еще два-три моряка.

— Ну, доктор,— спрашивает командир,— как наш пассажир?

— Есть надежда, товарищ командир. Железный человек.

Сельма следит за малейшими движениями Генрика и вдруг видит, что его взгляд остановился на бескозырке моряка.

Она всматривается в странные золотые буквы и узнает их.

Она нагибается к постели раненого и, вытащив смятую бескозырку, сличает надписи — «Ловкий».

В эту минуту Вирхов приближается к Сельме и вежливо вынимает из ее рук бескозырку:

— Разрешите, мой собственный головной убор...

— Что такое? — спрашивает командир.

— Прошу извинить, товарищ командир. Это — моя бескозырка, за которую я получил наряд вне очереди. Упустил в море. А вот норвежская барышня ее подобрала.

— Как же она не затонула?

Вирхов расправляет бескозырку и вытягивает из-под околыша пробковый вкладной кружок.

— Она мне великовата. Потому я вложил в нее спасательный круг. Она от меня не уйдет никуда, — замороженная.

От отдал под козырек Сельме.

Так как все улыбались, он сказал;

— Разрешите вопрос, товарищ командир?

— Разрешаю.

— А как будет с нарядом вне очереди?

— В порядке жалобы через непосредственного начальника.

— Есть в порядке жалобы, товарищ командир.

Он надел бескозырку и отдал честь Сельме:

— Спасибо за находочку: выручили...